

Николай Добролюбов

О нравственной стихии в ПОЭЗИИ

Николай Александрович Добролюбов

О нравственной стихии в ПОЭЗИИ

Критикуя магистерскую диссертацию известного впоследствии исследователя русской литературы и фольклора О. Ф. Миллера за идеализм, ненаучность задач и приемов исследования, Добролюбов продолжает тему защиты духовной самостоятельности личности, начатую статьями «О значении авторитета в воспитании» и «Николай Владимирович Станкевич». Здесь с особенной ясностью проступает значение этой темы для критика: это борьба за молодое поколение, на которое он рассчитывает как на одну из главных общественных сил. Отсюда – резкость и страстность его выступления против идей О. Ф. Миллера, которые воспринимаются им в контексте официальной морали, способствующей поддержанию существующего общественного порядка.

Содержание

#1	0005
Примечания	0034

**Николай Александрович
Добролюбов**
**О нравственной стихии в
поэзии на основании
исторических данных**

*По поводу вопроса о современном на-
правлении русской литературы. Сочинение
Ореста Миллера на степень ма-
гистра русской словесности. СПб., 1858*

Книжонка не стоит серьезного разбора, и мы хотели было промолчать о ней, как молчали мы о «Правде о мужчине и женщине», «Печатной правде», «Минутах уединенных размышлений», «Сонниках», «Оракулах» и тому подобных бестолковых изделиях писального мастерства{1}. Разборы подобных книг составляют подвиг, и подвиг весьма неблагодарный. Нужно их уничтожить, а для этого надо следить за ними из строки в строку, потому что каждая строка в них заключает в себе непременно – или ложь, или чепуху. Недавно в «Русском вестнике» совершил такой подвиг над «Печатной правдой» г. Жемчужников{2}. Разбор его превосходен, но зато он вышел гораздо обширнее самой книжонки, для которой написан. К счастью еще, книжонка была невелика, и предмет ее в высшей степени интересен и важен теперь для всей русской публики. Но что прикажете делать с длинной диссертацией, на 300 страницах убогистого шрифта толкующей о нравственной стихии в поэзии? Неужели целую книжку «Современника» посвятить серьезному ее разбору, – неужели опять пускаться в рассу-

дения об элементарных понятиях, о которых «уж столько раз твердили миру», но которых все-таки не мог понять автор диссертации? И для кого все это? Ведь, наверное, те, которые не с первой страницы бросят книжонку эту, как бездарную пошлость, – наверное, те не станут читать журнальных критик, а если как-нибудь и прочтут, то уж ни за что не убедятся. Так, читатели, восхищающиеся «Битвою русских с кабардинцами» и «Гуаком, или Непреоборимую верностью»{3}, не убедятся в их пошлости никаким громоносным разбором; так публика известного разряда не убедилась в нелепости «Чиновника» даже после разбора г. Павлова{4}, и «Чиновник» до сих пор даже – модная пьеса для благородных спектаклей. Для изделий, подобных «Нравственной стихии», «Чиновнику» и «Гуаку», существуют особые классы читателей, не имеющие ничего общего с кругом людей, читающих журналы. Поэтому разбирать в журнале «Правду о мужчине и женщине» и «Нравственную стихию» мы считали совершенно бесплодным и излишним трудом.

Но изделие г. Ореста Миллера представля-

ет одну сторону, заставляющую обратить на него некоторое внимание. На заглавном листе книги стоят слова: «На степень магистра русской словесности»; следовательно, это не есть просто книжная спекуляция, рассчитанная только на карманы покупателей. Претензии г. Ореста Миллера идут дальше. Он хочет вступить в привилегированно-ученое сословие и, как видно, имеет намерение не шутя пропагандировать свои понятия о поэзии и нравственности. Нет ничего мудреного, что он будет когда-нибудь *ex officio* [1] поучать российское юношество в гимназии или (чего на свете не бывает!) даже где-нибудь и выше. Это обстоятельство и заставляет нас отметить книгу г. Ореста Миллера в нашей библиографии, – не затем, чтобы наставить автора (он уже не станет слушать наставлений, хотя и сильно в них нуждается, судя по его книге), – но для того, чтобы предостеречь юношей, пред которыми произведение г. Ореста Миллера может явиться под прикрытием наставнического авторитета. Таких юношей немало существует до сих пор в наших учебных заведениях благодаря милой методе воспитания,

доселе еще не выведшейся во многих местах. Конечные цели и результаты этой методы высказываются очень сильно и ясно, между прочим, и в творении «О нравственной стигии в поэзии». Метода эта имеет своим идеалом *благодравного* мальчика, который со временем должен сделаться *скромным*, воздержным во всем юношею, а потом *мудрым* мужем, верным *слугою* отечества. Благодравие мальчика состоит, разумеется, исключительно в том, чтоб слушаться старших и за то попадать на золотую доску; скромность – в умении обладать собою, то есть укрощать все внутренние порывы, которыми можно заслужить название человека беспокойного; мудрость – в том, чтобы соблюдать во всем златую средину, а *служба*, – служба состоит исключительно в том, чтобы быть *слугою*. Кто сумел сделаться слугою до того, чтобы забыть о своей собственной самостоятельности, не думать о неотъемлемых правах, принадлежащих естественно каждому человеку, словом, кто умел *отречься от своей личности*, тот и осуществил нравственный идеал рутинных моралистов, доселе еще не совсем оставив-

ших в покое русское юношество. Самоотвержение, уничтожение личности, покорение естественных личных влечений отвлеченному мертвому принципу – вот любимые темы этих рутинеров, вот величайшие нравственные подвиги, пред которыми привыкли они преклоняться. Надо сознаться, что молодые люди вообще плохо поддаются подобной нравственности. Живые инстинкты слишком громко говорят в них в пору пылкой юности, сознание личного достоинства, личных человеческих прав слишком ясно в душе, еще не забитой жизненными неудачами; жажда самостоятельной, свободной деятельности слишком сильна, чтобы им могло понравиться это гнилое, тупоумное учение о приниженности личности, об аскетическом, бесплодном пожертвовании живою деятельностью ради какого-то внешнего, неведомо кем и как установленного принципа о долге и нравственности. Всякая живая личность еще в низших классах школы негодует на эту притеснительную, сдавливающую мораль; многие ищут выхода из нее и получают название людей беспокойных, – иногда справедливо,

но всегда не без вины со стороны самих моралистов. Но, к сожалению, тлетворная атмосфера, среди которой многие воспитываются, действует слишком заразительно, и многие натуры, более других слабые, делаются жалкою жертвою этой заразы. Положение их делается истинно достойным сожаления до тех пор, пока они не начинают гордиться этим положением и вовлекать в него других. Тогда они становятся отвратительны, потому что становятся вредны. Нельзя не пожалеть мальчика, в котором убиты все молодые порывы, всякая свободная мысль, всякое человеческое чувство своих прав, своего достоинства, всякая надежда на себя и в котором все это заменено малодушным, рабским страхом пред мнением своего учителя, желанием получить балл повыше и похвастаться своей исполнительностью и скромностью. Но невозможно не чувствовать глубокого омерзения к тому же самому мальчику, когда он, переставши, по летам своим, быть мальчиком, все-таки — не только сам сохраняет прежние жалкие привычки и понятия, но еще навязывает и другим. По глупости и малодушию он стано-

вится врагом всякого свободного порыва, всякого самостоятельного развития, становится гасильщиком светлых идей, как скоро они не согласны с известными убежденностями, извне заброшенными в его душу... Тут уже долг всякого честного человека – преследовать неразумного гасильщика, отгонять его от того света, который он может потушить смрадом гнилых своих теорий. Желая предостеречь юношей от возможности невольно сделаться некогда подобными гасильщиками, мы решаемся обратиться к ним с несколькими замечаниями относительно сочинения «О нравственной стихии в поэзии».

Мы скажем этим юношам вот что.

Господа! Не читайте сочинения «О нравственной стихии в поэзии». Не читайте – не потому, чтобы теории автора были уж слишком опасны и заразительны (нет, они крайне слабы и шатки: это вы и сами можете заметить), а потому, что трата времени на прочтение этой диссертации есть трата самая бесплодная и скучная, какую только можно вообразить. Если вы хотите из сочинения г. Ореста Миллера узнать что-нибудь о поэзии, –

ничего не узнаете. Он рассматривает поэтические произведения единственно со стороны поведения лиц, выведенных в них. Вишну у индийцев в поэмах был, говорит, нравствен, хотя и не совсем, потому что не был христианином; а Шива, индийский дьявол, был лукав и зол. Вследствие этого – богу Вишну г. Орест Миллер ставит в поведении 4, а Шиве – 0. Затем та же история повторяется с героями «Илиады» и «Одиссеи», греческих трагедий и комедий, римских комедий, с рыцарями средневековых поэм и с главнейшими лицами Шекспира. Этим прописыванием аттестатов все дело и ограничивается. Ни эстетических, ни исторических соображений – никаких. От эстетики г. Орест Миллер едва ли не дальше, чем известный амфитрион-музыкант в басне Крылова{5}. Например, говоря о представлении богов в индийской и греческой поэзии, г. Орест Миллер отдает преимущество Индийской: правда, индийские боги безобразны, даже отвратительны, сознается он, но зато они гораздо нравственнее (стр. 9 и след.). Это значит:

Они немножечко, дерут,

*Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением.*

От истории автор еще дальше. Каковы, например, должны быть исторические знания и понятия человека, утверждающего, что у греков не могло быть комедии характеров *вследствие их религиозного взгляда*, подчинявшего свободу человека действию судьбы, и что истинная комедия могла явиться только под влиянием христианства (стр. 84)! Всего забавнее при этом то, что в «Илиаде» и «Одиссее» сам г. Орест Миллер находит характеры, хорошо развитые и выдержанные. В комедии же, по его мнению, характеров не могло быть у греков, потому что они, не просвещенные светом откровения, не понимали происхождения зла в мире. Мы же теперь знаем, что зло в мире произошло от падения Адамова, и поэтому – можем писать хорошие комедии характеров!! Все это можно прочитать на странице 84-й в книге г. Ореста Миллера. Мы нарочно указываем страницу, чтобы кто-нибудь не заподозрил нас в умышленном сочинении подобной мистической логики. Да, нарочно,

впрочем, этого ни за что и не выдумаешь, хоть пять лет сиди.

Каковы исторические понятия автора, можно видеть также из другого примера. Он полагает, на стр. 96, что походы Александра Македонского происходили, собственно, на тот конец, *«чтобы приготовить людей к общечеловеческой поэзии христианства»!* Ваш юный ум (мы всё говорим с юношами) не постигает связи между Александром Македонским и общечеловеческой поэзией христианства; но г. Орест Миллер – глубокий логик. Вот как он проводит свою мысль. Провидение хотело сблизить отдельные народы, чтобы облегчить распространение между ними христианства. Для этого оно послало на землю македонского героя, внушило ему намерение идти на персов и мысль построить Александрию; в Александрии развилась ученость, имевшая влияние на Рим, а назначение Рима, по мнению г. Ореста Миллера, именно в том и состояло, *«чтобы сблизить и слить все народности древнего мира в одно»*... Ясно ли теперь? Если нет, то г. Орест Миллер поведет вас дальше, укажет на великое переселение

народов, на крестовые походы и заключит, что все это произошло для того, чтоб произвести поэзию, смешанную из разных элементов, но «общую всей Европе». Правда, наивно замечает он при этом, «единство ее было *единство смеси* (!), но это была уже переходная ступень к поэзии *органически единой*, к общечеловеческой поэзии христианства» (стр. 97–98). Вы видите, скромные юноши, до чего доводит желание делать общие выводы с чужих слов, без всякого знания и понимания истории: можно договориться до того, что сочинишь *единство смеси!* Единство смеси! Единство смеси, составляющее переход к органическому единству! За эту фразу г. Орест Миллер не умрет в летописях русского языка... Пред этим *единством смеси* совершенно стирается знаменитая некогда фраза об *энергии слабости*... Единство смеси у г. Ореста Миллера тем более замечательно, что может служить необыкновенно меткой характеристикой собственного труда его. Скажите только, что г. Орест Миллер находит в средневековой поэзии *единство смеси*, и неглупый человек тотчас смекнет, какого рода явление пред-

ставляет диссертация г. Ореста Миллера.

Много подобных казусов в сочинении г. Ореста Миллера «О нравственной стихии в поэзии», и напрасно было бы их подбирать и пересчитывать: им счету нет. Посмотрим лучше, из чего он хлопочет. На заглавном листке стоит, между прочим, заманчивое объявление, что сочинение это написано «по поводу вопроса о современном направлении русской литературы». Вы, может быть, и полагаете, что автор хотел показать на основании исторических данных, насколько и как именно в поэзии отражается состояние общественной нравственности и, следовательно, до какой степени поэтические произведения могут служить для физиологии общества. С этой точки зрения вы ожидали, может быть, живых и любопытных замечаний о современном общественном направлении русской литературы. Но вы горько ошиблись бы, если бы принялись с этой мыслью читать произведение г. Ореста Миллера. О русской литературе в нем вовсе нет речи, да и об иностранных литературах не много говорится. Самые важные эпохи, в которые поэзия имела самое ближайшее

отношение к обществу, пройдены совершенным молчанием. Г-н Орест Миллер не удостоил обратить внимания ни на французских трагиков, ни на Мольера, ни на Шенье, ни на Вольтера и Руссо, ни на Шиллера и Гете, ни на Байрона, ни на Гейне. Не говорим уже о том, что пропущены такие явления, как Мильтон, Вальтер Скотт, Мицкевич, вся новейшая европейская литература, выразившаяся в романе и повести. Не говорим о том, что в своей книге г. Орест Миллер совершенно оставил в стороне лирическую поэзию и из всех лирических поэтов говорит только об одном Анакреоне; а, кажется, чего бы лучше воспользоваться лирикой для определения нравственных идеалов, которые г. Орест Миллер решил искать в поэзии разных народов. Не говорим и о том, что автор сочинения «О нравственной стихии в поэзии» не дал ни одним намеком почувствовать, что ему даже известно существование поэзии еврейской!.. Все это изумительно, дико, невероятно... Думаешь: на чем же наконец автор решился опереть свои положения, из чего делал свои выводы? Разве классическая поэзия, рыцар-

ские поэмы и Шекспир достаточны для того, чтобы дать понятие о том, каким образом нравственные идеалы воплощались в поэзии разных народов? Разве можно при этом даже ограничиться разбором одних лучших произведений? Разве не может легко случиться, что тот нравственный идеал, которого г. Орест Миллер не находит у Горация, окажется в трагедиях, известных под именем Сенеки, или в поэме Энииды? Разве не может быть, что те нравственные начала, которые г. Орест Миллер признает невозможными у греков, потому что они были язычники, найдутся у кого-нибудь в китайской поэзии? И что это за манера разбирать поэтические произведения на основании заранее составленной таблички добродетелей и пороков? Г-н Орест Миллер разложил весь кодекс добродетелей на несколько кучек и, читая, например, «Илиаду», раскладывает по этим кучкам разные факты, находящиеся в ней. Кучка первая, положим, воздержанность в пище; есть ли она у Гомеровых героев? Нет: в доказательство следуют факты пьянства и обжорства из «Илиады». Кучка вторая – целомудрие; обладают ли

им Гомеровы греки? Нет: следуют любовные похождения богов. Кучка третья – непамято-злobie; оно есть ли у Гомера? Тоже нет: доказательство то, что вся «Илиада» основана на гневе Ахилла... И т. д. Какое нужно терпенье, какое умение сузить и ограничить себя до того, чтобы нанизывать подобные факты для разрешения столь интересного вопроса! И к чему же все это? Неужели для того, чтобы уяснить сколько-нибудь понятие о поэзии и ее значении? Но ведь этого нельзя достигнуть таким мозаическим подбором разных крох из нескольких поэм и драм, каким ограничился г. Орест Миллер. Для этого ведь надобно – не по десятку поэтических произведений составить свои заключения и не размещением фактов по кучкам доказывать свои выводы; для этого надобно иметь хотя некоторое понятие о смысле целой литературы и об ее отношении к жизни у каждого народа. Г-н Орест Миллер ничем не обнаружил, что он имеет об этом хоть какое-нибудь понятие хоть в какой-нибудь литературе. Чего же хотел он, что имел в виду?

Вы поставлены в глубокое недоумение, мо-

лодые неопытные читатели, не понимающие, как можно решиться сочинить целую длинную диссертацию при такой бедности данных. Но мы разрешим вам загадку. У г. Ореста Миллера, очевидно, —

Умысел другой тут был...{6}

Он заговорил о поэзии не ради поэзии, а ради нравственности. Ему нужно было доказать некоторые идейки относительно нравственного значения человеческих поступков; вот он и вздумал прибегнуть для этого к поэзии. Известно, что поэзия как отражение жизни разнообразна, как сама жизнь; поэтому нетрудно найти в ней факты, подтверждающие самые разнородные воззрения. Если рассматривать поэзию во всем обширном ее объеме, как она являлась у разных народов, то, конечно, и в ней, как в самой жизни, окажутся вечные, постоянные законы, которым она подчинялась в своем последовательном развитии. Законы эти и будут, разумеется, законы жизни, действительности. Но г. Оресту Миллеру не нужно действительности; оттого он и не берет поэзии всех народов, оттого и не

рассматривает *всех* замечательных поэтических произведений, оттого и те, которые рассматривает, не разбирает в их общности, а только делает произвольную выборку фактов, какие ему нужны. А факты нужны ему были для подтверждения следующей теории. Поэзия есть небесное наитие, что-то высшее, божественное; она есть чудная, непонятная *быль*, не существующая в действительном мире, но «ясно говорящая человеку о том, какого он высокого рода». Как имеющая высшее происхождение, поэзия выше действительной жизни, представляя такие идеалы, которые в жизни не являются. Поэтому изучение поэзии необходимо для сохранения чистоты сердца и возвышенных верований среди жизненной низкой прозы. «Оно особенно необходимо в наше время, когда преимущественное развитие так называемых *естественных и реальных* наук, приковывая все внимание человека к материи, по близорукости, свойственной уму, доводит человека до того, что он наконец во всем видит одну материю и ею ограничивает свое собственное существо» (стр. 2). (Развитие естественных наук по бли-

зорукости... доводит – как складно!) Такие мысли и таким образом высказывает г. Орест Миллер в самом начале своего сочинения, и главная цель всего труда его – противодействие *реальному*, естественному направлению и развитию *номинальных* понятий и *сверхъестественных* взглядов. В этом он очень близко сходится с профессором В. Берви, о «психодогико-физиологических» взглядах которого мы говорили несколько месяцев тому назад^{7}, Кому из этих двух поборников сверхъестественных теорий отдать преимущество, мы затрудняемся; можем поставить на вид молодым читателям только одно: сочинение г. В. Берви вдесятеро короче, чем творение г. Ореста Миллера, следовательно, все-таки менее ужасно.

Прилагая свой взгляд о происхождении и сущности поэзии к отдельным явлениям, г. Орест Миллер утверждает следующее.

Человеческая природа исказилась после грехопадения Адама, и чем дольше жило человечество, тем больше она искажалась. Соответственно с этим и поэзия все падала в нравственном отношении ниже и ниже, до вре-

мен христианства, которое, восстановивши падшую природу человека, возвысило и его поэзию, так что в поэзии Шекспира проявился уже полнейший идеал нравственного совершенства. Сообразно с этим г. Орест Миллер чрезвычайно восхваляет поэзию индийскую, в которой «живо еще было не совсем затерявшееся наследие той первоначальной поры человечества, когда ему доступно было непосредственное откровение» (стр. 8), и в которой сохранялось «ясное воспоминание о лучшем состоянии, к какому был предназначен человек, – о состоянии неизменного блаженства, безбедственного наслаждения прочными благами; воспоминание о том падении, которое низвергло человека в сферу изменчивости и несчастий, – воспоминание, мешавшее наслаждаться уцелевшими, неудовлетворительными для человека благами уже и древнему индийцу, которому блага эти все-таки даны были в большем количестве и в лучшем качестве, нежели нынешнему больному и кратковечному человеку» (стр. 26). В индийской поэзии г. Орест Миллер находит «вековечные идеалы нравственности, которые все-

гда и везде будут возбуждать полное сочувствие». Приведши в пример одно место из «Наля»{8}, где Дамаянти заклинанием убивает охотника, спасшего ее от смерти и воспламенившегося к ней страстью, г. Орест Миллер восклицает в движении детского восторга: «Какая чудная поэзия мысли! Отыщите что-нибудь подобное ей во всей греческой поэзии: там уже вы не найдете этого. Отчего? Оттого, что народ возрастом старше; что, живя в пору, более отдаленную от первоначального состояния, он уже более привык к разочаровывающим опытам; что от опыта померкла вера в возможность такой силы нравственности, которая в состоянии одним словом убить святотатца» (стр. 32). На этом основании г. Орест Миллер бичует и казнит греческую поэзию немилосердно. Ее изящная простота и достоинство не останавливают и не смягчают нашего строгого моралиста. Как учитель Чичикова «прикрикивал на своих учеников: «Способности и дарованья – это все вздор. Я смотрю только на поведенъе... я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто аза в глаза не знает, да ведет себя похвально»», –

так точно г. Орест Миллер прикрикивает на всех героев Гомера, на полубогов и богов, на самого Зевса – за их непохвальное поведение. Он замечает, что греческая образованность носила в себе тучное семя внутренней порчи, и хотя не отрицает красоты и привлекательности, даже возвышенности греческой поэзии, но все это покрывает грозным приговором, что в Греции «самые священные природные чувства сердца охладели, исказились, оскудели» и только христианство «могло влить в них новый жар и озарить светом истинного убеждения» (стр. 90). Все это оттого, что у греков сильно развито было вольнодумство и «ум слишком резко предъявил свои права». В индийской поэзии, говорит г. Орест Миллер, господствует начало самоотвержения; в ней личность стирается в общем; вследствие этого г. Орест Миллер признает ее «поэзией благородных инстинктов, еще ничем не подавленных, потому что человек еще юн». Напротив, в греческой поэзии он находит развитым «начало личной самостоятельности», и это противное г. Оресту Миллеру начало вызывает его на ожесточенную борьбу.

бу с безнравственностью греков, вытекающею из этого начала. «В Греции, – говорит он, – где человечество достигло уже поры мужества, видим мы большую степень развития ума; ум этот решается наложить власть свою на священные инстинкты сердца, и так как ум человека – ум падший, то он обдает их холодом... В Греции все стремления человека прилепились исключительно к земле, даже вся религия устремилась к тому, чтобы безусловным выполнением всякого веления богов оградить себя против превратности счастья, закрепить за собою земные блага, так неохотно и ревниво уступаемые человеку богами. Греки умели извлечь из земного нашего удела все, что только можно было извлечь из него приятного, умели сохранить разумную меру среди земных наслаждений, но и остановились на этой ступени. Светлый взгляд греков на жизнь был не более как самообольщение». Но что же нужно было для того, чтобы разрушить это самообольщение, чтобы превратить светлый взгляд в мрачный? По мнению г. Ореста Миллера, необходимо было для этого христианство. «Загадка жиз-

ни, этой борьбы сладкого и горького, – по словам г. Ореста Миллера, – была разгадана для человека христианством. Оно сказала ему, что жизнь сама по себе прекрасна, но не прекрасна потому, что человек пал; оно показало ему, что падение человека есть корень всех горечей и превратностей жизни». Ясно, что отсюда должен был развиваться весьма печальный взгляд на мир, в противоположность греческому. Но, «чтобы стать выше всех этих бед, чтобы уметь быть счастливым, несмотря на всю их тяжесть, христианство дало человеку верное средство: оно благословило его на борьбу с грехом и в награду обещало мир душевный, неотъемлемый и среди всех треволнений мира земного. Оно указало человеку в высь, на его небесную родину, которой должна принадлежать лучшая сторона его бытия» (стр. 89–91). Применяя эти прекрасные мысли к поэзии, г. Орест Миллер находит, что у новых христианских пародов «поэзия вдруг совлеклась всего плотского и нечистого и, расправив свои крылья, унеслась далеко-далеко от земли на небо» (стр. 93). В этом и полагает он главное преимущество новой поэзии пред

поэзией классической.

Для человека, сколько-нибудь опытного в деле нравственно-психологических изысканий, ясно уже из того, что мы до сих пор сказали, чего добивается г. Орест Миллер в своей диссертации и представителем каких идей он является. Но для неопытных юношей мы готовы прибавить еще несколько пояснений. Видите ли, в чем дело, милые дети (наши объяснения могут пригодиться и детям). Г-н Орест Миллер, намереваясь сделаться наставником человечества, желает положить в сердцах детей прочные начала отречения от своей личности и поклонения чужому авторитету. Для наставника всегда ведь так удобно иметь дело с учениками, склонными поклоняться чужому авторитету. Для достижения своей цели г. Орест Миллер и старается в своей диссертации восхвалять начало самоотвержения и преследовать начало личной самостоятельности. Он допускает, правда, и это последнее начало и даже в начале своей диссертации (стр. 2) прямо объявляет, что нравственность состоит в исполнении человеком своего назначения, а назначение человека – в сохранении

своей личной самостоятельности. Но не обольщайтесь, о юноши, столь положительным утверждением. Есть у людей ужасное оружие, которым уничтожаются самые непреложные истины, затемняются самые ясные убеждения. Бойтесь этого оружия, милые дети: оно очень опасно для не знающих его силы. Оружие это – рутинная софистика, смешная для взрослых, но все-таки еще могущая вредить детям. Ею пользуется и г. Орест Миллер, может быть, даже и против своей воли и даже без собственного ведома. Сказавши, что назначение человека состоит в сохранении личной самостоятельности, он тотчас же прибавляет, что, впрочем, сохранять свою личность человек должен не для чего иного, как для подчинения ее другим, доходящего до полного отвержения самого себя. В этом-то подчинении заключается для него вся нравственная задача человеческой жизни. Ясно ли теперь, милые дети, нравоучение, какое вытекает из диссертации г. Ореста Миллера? Не надейся на себя, смиряйся, послушай, прислуживай старшим, и благо тебе будет: вот мораль его. Но, чтобы отказаться от своей

личности, нужно не иметь сильных страстей, нужно себя сузить, ограничить, обессилить сколько возможно. Этого и требует г. Орест Миллер. «Сильно предаваться страсти, – говорит он, – значит ублажать свое «я», которое все объято этою страстью. Для грека тут была сила характера, для нас – это слабость его, а сила характера – в самоотвержении, в уменье покорить свою страсть нравственному закону» (стр. 51). Далее г. Орест Миллер утверждает, что сильная страсть нехороша даже и тогда, когда она совершенно согласна с нравственным законом: он все-таки находит в этом *крайность добра*, а истинную нравственность полагает только «во взаимноограничении разных добродетелей» (стр. 125) и даже сущностью христианства считает какую-то «мудрую гуманную *середину*, которая одно правило ограничивает другим, одну добродетель умеряет другой» (стр. 159). Словом сказать, *умеренность* и *аккуратность* – вот в чем заключается нравственный идеал г. Ореста Миллера. Он с грустью сознается, что в действительности мудрено сыскать людей, которых вся жизнь и нравственность заклю-

чалась бы в этих качествах; сознается и в том, что трудно человеку с сильной душой почувствовать внутреннее влечение к подобной нравственности. Но зато, тем с большим восторгом приветствует он в поэзии те личности, в которых идеал его проявлялся так или иначе. Так, в рыцаре Фульконе{9} он видит *отрадный идеал истинно христианской доблести* – за то, что Фулькон, ненавидящий войну и любящий мир, идет, однако, в сражение по приказу своего дяди и отличается в битве храбростью. «Лицо такого рода, – замечает г. Орест Миллер, – идеал, который мог быть создан только поэзией: трудно предположить, чтобы в действительности того времени могли быть лица, даже несколько похожие на последнюю черту, то есть люди, способные не любить войну и в то же время быть храбрыми на войне – по долгу» (стр. 156). Мораль этого следующая: подчинение себя чужой воле гораздо выше всех нравственных убеждений; если ты отвращаешься убийства и грабежа, но получаешь повеление убивать и грабить, то долг твой – выполнить повеление. Тогда ты будешь идеалом доблести, похожим на

Фулькона.

Таковы нравственные понятия, защитником которых выступает г. Орест Миллер в своем сочинении «О нравственной стихии в поэзии». Вы видите, любезные юноши, как вредны и ложны его понятия, видите, до какого преступного и унижительного положения могут довести они человека, который предается им. Берегитесь же увлекаться подобными идеями. Сохраните же свою личную самостоятельность против всякого авторитета, сохраните свою внутреннюю нравственность против всяких внешних внушений, против всего, что насильственно захотят навязать вам под ложным названием *долга*. Старайтесь не входить в разлад с собою и сохранить всю чистоту души, какую вас наделила природа. Не верьте, что нравственность состоит в отречении от своей воли и ума, как силится уверить г. Орест Миллер, и знайте, что, напротив, всякий, кто поступает против внутреннего своего убеждения, поступает бесчестно и подло, — всякий, потерявший силу свободного самостоятельного действия, есть жалкая дрянь и тряпка и только напрасно позорит свое суще-

СТВОВАНИЕ.

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1858, № 10, отд. II, с. 155–166, без подписи. Предназначалась для № 9, но, по требованию цензуры, была подвергнута значительной переработке: Добролюбову пришлось полностью переписать начало рецензии и смягчить ее общий тон. В изд. 1862 г. опубликована, по-видимому, в первоначальном виде (журнальный вариант начала и другие разночтения с изд. 1862 г. см.: III, 519–522).

Критикуя магистерскую диссертацию известного впоследствии исследователя русской литературы и фольклора О. Ф. Миллера за идеализм, ненаучность задач и приемов исследования, Добролюбов продолжает тему защиты духовной самостоятельности личности, начатую статьями «О значении авторитета в воспитании» и «Николай Владимирович Станкевич». Здесь с особенной ясностью проступает значение этой темы для критика: это

борьба за молодое поколение, на которое он рассчитывает как на одну из главных общественных сил. Отсюда – резкость и страстность его выступления против идей О. Ф. Миллера, которые воспринимаются им в контексте официальной морали, способствующей поддержанию существующего общественного порядка. При этом, однако, критик не учитывает, что принципы самопожертвования, нравственного долга могут наполняться иным смыслом, не чуждым новой этике, как это было характерно и для самого О. Ф. Миллера, который впоследствии пользовался любовью студенческой молодежи за честность, самоотверженность и гражданское мужество.

Сноски

1

По обязанности (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Добролюбов упоминает книги: Федоров. Правда о мужчине и женщине... или Лицевая сторона безбрачия и брака. СПб., 1858; Голицын С. П. Печатная правда. СПб., 1858; Кирилл, епископ мелитопольский. Минуты уединенных размышлений христианина. СПб., 1856. *Оракулами* назывались многочисленные сборники, содержавшие предсказания, толкования снов, описания гаданий, житейские советы и т. п. (напр.: Оракул супружеской жизни, или Брак и любовный советник для всех желающих быть счастливыми в брачном состоянии. М., 1852).

[^^^]

С. П. Голицын в своей книге, написанной в связи с толками о крестьянской реформе, пытается доказать крестьянам «законность» и «выгодность» (для крестьян) крепостного права, «разъясняет», что правительство намерено лишь упорядочить крепостные отношения, а не отменять их, и советует крестьянам не верить слухам об освобождении. Статья А. М. Жемчужникова об этой книге – «Современный просветитель народа» – опубликована в *РВ*, 1858, май, кн. 2.

[^^^]

3

«Битва русских с кабардинцами» Н. Зряхова (М., 1840) и «Гуак, или Непреоборимая верность» (М., 1789) – лубочные повести, многократно переиздававшиеся.

[^^^]

4

Речь идет о разгромной статье Н. Ф. Павлова о комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (РВ, 1856, июнь, кн. 1; июль, кн. 2).

[^^^]

5

Добролюбов имеет в виду басню И. А. Крылова «Музыканты» (1808), которую он ниже цитирует. *Амфитрион* – имя героя древнегреческой мифологии, получившее, благодаря комедии Мольера «Амфитрион», нарицательное значение – хлебосольный хозяин.

[^^^]

6

Из басни И. А. Крылова «Музыканты».

[^^^]

7

Рецензия Добролюбова на книгу В. Ф. Берви «Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» (Казань, 1858) – *Совр.*, 1858, № 3; см.: II, 327–335.

[^^^]

8

«Наль и Дамаянти» – повесть из индийского народного эпоса «Махабхарата», переведенная на русский язык В. А. Жуковским с немецкого перевода Ф. Рюккерта.

[^^^]

Фулькон – персонаж рыцарского романа «Жерар де Руссильон».

[^^^]

[^^^]